Гармония желаний и долга

ПОТРЕБНОСТЬ в коренной перестройке школы ощущалась уже давно. Неудивителен поэтому широчайший отклик, вызванный опубликованным проектом ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Глубокая заинтересованность в судьбах нашей школы сказалась не только в поистине всенародном обсуждении проекта, но и в серьезности, прямоте и откровенности высказываемых замечаний и предложений. Да и может ли быть иначе, когда речь идет о школе.

Несколько замечаний и предложений к проекту реформы хотелось бы высказать и мне. Думаю, что связь со школой, с детьми, которая на протяжении полувека становилась все более тесной, не только дает мне такое право, но и обязывает к этому.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ очень важным вопрос о профориентации юных, выборе профессии еще на школьной скамье. Суть заключается, по моему, в следующем: в течение многих лет выдвигавший лозунг «Перед молодежью открыты все пути» на практике зачастую выпускниками школ трактовался: «Иду, куда хочу» или даже так: «Пойду, куда получится». Это привело к весьма нежелательным результатам, прежде всего к нехватке ряда очень нужных стране квалифицированных рабочих в промышленности и сельском хозяйстве, школьных учителей, среднего и вспомогательного персонала в медицине и т. п.

Чтобы говорить о профориентации как научно обоснован-

ном процессе, надо определить объективные критерии. Ими вооружить учеников. Мне видятся три таких критерия: «Куда меня влечет» (в какой сфере хотел бы работать); «Что я могу» (к чему, как мне кажется, я способен); «Где я нужен» (где могу принести наибольшую пользу государству).

В течение 8—9 лет, к окончанию неполной средней школы, учащиеся (если не все, то многие) смогут нащупать путь, идя по которому они достигнут того, что потребности страны будут совпадать с их собственным желанием.

Очень велика здесь роль учителей — они должны внимательно изучать, направлять и развивать способности и интересы каждого учащегося. Но без серьезной помощи семьи школе не обойтись. Потребуются также значительно усовершенствовать планирование подготовки специалистов и системы приема в специальные средние и высшие учебные заведения.

Школа должна воспитывать в учащихся понимание того, что не бывает «плохих» профессий, но могут быть и бывают плохие работники в любой отрасли; что общественное признание того или иного труженика определяется не профессией и тем более не занимаемой должностью, а творческим отношением к делу, то есть стремлением создать что-то пусть небольшое, но новое, лучшее или применить по-новому, лучше то, что было уже сделано раньше.

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ к тем откликам на проект реформы, в которых высказывается по-разному мотивирован-

ное, но равно отрицательное отношение к решению снизить школьный возраст до шести лет. В самом проекте такого решения есть, на мой взгляд, очевидные противоречия: с одной стороны, утверждается, что шестилетние дети могут учиться в школе; с другой — оговаривается, что школьные условия занятий (классное помещение, парты, продолжительность уроков и т. п.) им непосильны. Указывается также, что для обязательного введения школьных занятий с 6-летнего возраста необходимо учитывать согласие родителей, рекомендации врачей. Особенно остро стоит этот вопрос в малокомплектных сельских школах (а это немногим менее половины всех начальных школ в стране): на одном уроке сидят вместе ученики 1-го, 2-го, 3-го классов — это уже большие трудности и компромисс; не хватает интернатов и транспорта для доставки ребят в школы из отдаленных сел, и главное — не хватает учителей. Успешные эксперименты, о которых говорится в доказательство возможности начать школьное обучение на год раньше, проводятся не в рядовых, обычных, а в базовых экспериментальных школах, в крупных сельских центрах или городах, где перечисленные трудности в значительной мере отсутствуют.

Мой многолетний опыт и наблюдения убеждают меня в том, что было бы целесообразнее усовершенствовать программу последнего года детских садов, несколько повысив в ней роль познавательного начала.

Теперь об искусстве. Искусство рассматривается в проекте (пункт 15) лишь как

эстетическая ценность. О его познавательной и огромной воспитательной — идейной и нравственной — силе, преобразующей роли в жизни общества ничего не сказано. Эти социальные, идеологические функции искусства, думается мне, должны быть оттенены в партийном документе.

В этом же пункте определение «здоровые художественные вкусы» лучше заменить определением «высокий эстетический вкус», а в определении «правильно понимать» оставить одно слово «понимать» (если понял — значит правильно). Здесь же непонятен перечень предметов эстетического цикла: «музыки, пения...». Пение — это часть музыки, иначе пришлось бы сказать, что певец или хор на сцене занимаются пением, а аккомпанирующие им оркестры или пианисты занимаются музыкой. Такое нелогичное словосочетание «пение и музыка» ведет свое начало с давних дореволюционных времен. Но и сегодня порой его можно услышать из уст дилетантов или консервативно настроенных педагогов, несмотря на то, что в наших школах музыкальное воспитание давно уже называют уроками музыки. В тексте проекта эту случайно вкравшуюся ошибку надо исправить, оставив слово «музыка».

Неясно, что в этом перечне означает «эстетика». Эстетика в том виде, как она издавна существует, представляет собой теоретический курс вузовского типа, обобщающий опыт познания самого искусства. Традиционные категории эстетики — прекрасное, безобразное, трагическое, комическое

и др. — должны познаваться и познаются учащимися на протяжении всех школьных лет, прежде всего на уроках предметов эстетического цикла, в живом восприятии живого искусства. Но, поскольку из этих предметов только литература сохраняется до последнего класса, а музыка кончается в седьмом классе, избирательное искусство — в шестом, я думаю, что следовало бы принять убедительно мотивированное решение Министерства просвещения о введении в трех старших классах курса «Мировая художественная культура».

Огромным резервом эстетического воспитания советского народа являются наши творческие учебные заведения. Выращивая создателей искусства и его исполнителей, они практически сняли с себя заботу о тех, для кого искусство существует, — слушателях, зрителях, читателях. Открытие в художественных вузах отделений (кафедр, факультетов), где готовились бы высококвалифицированные школьные учителя предметов эстетического цикла, могло бы оказать серьезную помощь школе.

Члены творческих союзов также очень мало заботятся о воспитании эстетической культуры слушателей, читателей и зрителей (в первую очередь — детей и молодежи), а ведь их слово, их участие очень многого стоят.

Я думаю, что следовало бы более четко определить и значение школьных факультативов: факультативы могут расширять, дополнять, обогащать, уточнять содержание предметов, существующих в

расписании в качестве предметов обязательных, но не заменять их. Это важно подчеркнуть потому, что время от времени всплывает тенденция перенести на факультативные часы, то есть сделать необязательным, эстетическое образование учащихся старших классов.

УСПЕХИ выполнения огромных по своим масштабам и значению задач, выдвигаемых проектом школьной реформы, возросли бы во много раз, если бы свою роль и ответственность в этом деле почувствовала сама молодежь, как это было в годы ликбеза, в годы великих строек. Кто, как не молодые, должен сегодня проявить инициативу в том, чтобы действительно «оставить надежный заслон проникновению в молодежную среду бездельности, пошлости, низкопробной духовной продукции», чтобы прежде всего сама молодежь являла пример высокого эстетического вкуса. Как актуально прозвучали бы сейчас слова В. И. Ленина, обращенные к молодежи в 1920 году с трибуны III Всероссийского съезда РКСМ в связи с задачами ликбеза:

«Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело. Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело...»

Дмитрий КАБАЛЕВСКИЙ.
г. Москва.

Травва, 1984, 15 марта